

Елкин А. И. Русская эмигрантская интеллигенция в Польше ...

²⁵ Там же. – С. 91.

Резюме

Гурінова О. М. *Вардарська Македонія в геополітичних планах Сербії у 1913-1915 рр.*

Стратегічне положення Македонії змушувало всі балканські країни вести боротьбу за її землі протягом двох Балканських війн 1912-1913 рр. Така ситуація залишилася незмінною і з початком Першої світової війни. В нових умовах між ворогуючими коаліціями великих держав розгорнулася боротьба за потенційних союзників. Країни Антанти вважали, що єдиним засобом, здатним притягти Болгарію на свій бік в якості союзниці, має бути передача їй Македонії у кордонах 1912 р., тобто тієї частини, що за Бухарестським миром 1913 р. належала Сербії. Сербія була готова поступитися частиною Вардарської Македонії на користь Болгарії, як того вимагали союзники по Антанті, але за певних умов, а саме: коли буде вирішуватись подальша доля південнослов'янських територій Австро-Угорщини, особливо Адріатичного узбережжя, Антанта зважить на сербські інтереси. Та коли при підписанні Лондонського договору з Італією Антанта пішла назустріч останній і поступилася майже всім східно-адриатичним узбережжям, Белград, скасувавши попередні обіцянки, різко змінив орієнтацію, з якої він так і не звернув аж до нападу Болгарії у жовтні 1915 р.

Елкин А. И.

**РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ПОЛЬШЕ В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

Массовая эмиграция из бывшей Российской империи явилась результатом революционных катаклизмов и особенно кровопролитной Гражданской войны. Она насчитывала примерно 1,5-2 млн. человек. Значительное количество беженцев оказалось на территории Польши. В 20-30-е годы XX в. их цифра составляла 50-60 тыс. человек, а по некоторым данным даже 100 тыс. человек¹. Среди них значительный процент составляли лица со средним и высшим образованием². Отечественные и зарубежные исследователи уделяли достаточное внимание судьбам и деятельности российских интеллектуалов в Болгарии³, Югославии⁴ и особенно в Чехословакии⁵.

Но жизненные перипетии, стремление реализовать себя эмигрантской интеллигенцией в Польше еще не стали предметом

специального исследования. В силу отмеченных причин в статье предпринимается попытка восстановить этот пробел и рассмотреть вклад русских эмигрантов в работу школы и высших учебных заведений.

Несмотря на то, что первоначально свое пребывание за границей они считали временным явлением и рассчитывали на быстрое возвращение на Родину, тем не менее, эмигрантские организации сразу же принимаю меры для того, чтобы дети беженцев могли продолжить свое обучение и получить начальное или среднее образование. Уже в 1920 году в Варшаве функционировала школа-приют и гимназические курсы⁶.

По мере того как сидение на чемоданах закончилось, перспектива более длительного пребывания на чужбине поставила перед беженцами задачу создания начальной и средней школы за рубежом. 2-7 апреля 1923 г. в Праге состоялся 1-й съезд деятелей начальной и средней школы за границей. На нем присутствовало 73 делегата из 12 стран. За рубежом в это время обучалось в школах различного типа около 8000 детей и участвовало в учебном процессе 800-900 педагогов. Этот форум восстановил традицию проведения русских учительских съездов. В СССР, где шел процесс строительства новой пролетарской школы, оценили попытки создания эмигрантской школы, как судорожные потуги создать какую-то доктрину, сказать какие-то новые слова в педагогике. В его работе приняла участие делегация из Польши: профессор Д. М. Сокольников, Н. А. Азаревич, Думанский, А. Шивцев, Е. И. Четет, профессор А. Д. Григорьев, В. У. Туркевич, Н. А. Липеровский, И. Ф. Голубовский⁷. На съезде Д. М. Сокольников выступил с докладом «Русская школа в Польше», где показал процесс ликвидации русской школы и ее полонизацию⁸.

Кроме того Д. М. Сокольников работал в комиссиях съездов (1923, 1925) по созданию учебных планов и программ для зарубежной русской школы⁹. При обсуждении программы по русскому языку и литературе Д. М. Сокольников проводил тезис о невозможности поставить знак равенства между историей русской литературы и собственно литературой, возражая против предания ей служебной роли¹⁰.

Предметом его особого внимания являлась методика преподавания физико-математических предметов в русской средней школе¹¹. Профессор Д. М. Сокольников, проживая на территории Польши (г. Острог), пытался привлечь внимание эмиграции и европейской

общественности к ситуации, в которой оказалась русская школа и русский учитель¹². Он показал не только ее катастрофическое состояние в стране, но и делился собственным опытом участия в ее строительстве за рубежом. Из-за цензуры в Польше ему печататься приходилось в Праге и Париже. Д. М. Соколов, по специальности инженер-радиотехник, был пионером преподавания радиотехники в польских школах, а также возглавлял государственный телекоммуникационный институт в Варшаве в межвоенный период¹³.

Польская администрация в своей деятельности осуществляла политику государственной ассимиляции, где важное значение уделялось польской школе. Причем образование превратилось в политический фактор. Поэтому все имевшиеся в стране частные школы, должны были постепенно исчезнуть при намеренном ограничении (вплоть до закрытия), их деятельности со стороны государства. Поскольку частное образование законом о школе (1924 г.) разрешалось, то следовало организовать так количественно и качественно государственное образование, чтобы общественная школа стала нужной, а частная – нет.

Поскольку власти официально утверждали, что русских в Польше нет, то русские школы в стране могли существовать только как частные, они не получали правительственных дотаций и не имели права выдавать аттестаты зрелости (матуру), а без них невозможно было поступить в польские вузы. Это была сознательная политика, направленная на то, чтобы ограничить получение русскими высшего образования в Польше. В создавшейся ситуации возникла острая необходимость решить вопрос, связанный с выдачей аттестатов. Отличительной чертой русской эмиграции явилось то, что оказавшись за границей, она сразу же начала работу по созданию общественных организаций. В результате очень быстро возникли: общество русских ученых в Югославии и русские Академические группы в Германии, Болгарии, Англии, Италии, Константинополе, Франции, Латвии, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Эстонии и Чехословакии. На первом съезде русских академических организаций, состоявшемся в Праге в 1921 году, эти организации объединились в союз, правление которого находилось в Праге¹⁴. В Польше Русская академическая группа появилась в 1921 году и занималась, в силу сложившихся обстоятельств, проведением экзаменов на аттестат зрелости. Однако ей часто приходилось сталкиваться с противодействием польских

властей. В 1924 г. деятельность экзаменационной комиссии академической группы запретили на том основании, что последняя не имеет устава. Русский Попечительный Комитет (РПК) по просьбе группы добился в Министерстве народного просвещения разрешения на открытие комиссии при РПК. Такая комиссия вскоре появилась, и возглавил ее В. Д. Сокольников¹⁵. И, тем не менее, в марте 1925 года власти привлекли к суду представителей Русской академической группы по обвинению «в открытии без соответствующего разрешения учебного заведения». 8 человек членов группы оштрафовали¹⁶.

Посредником между Министерством просвещения и обвиняемыми выступил знаменитый юрист, бывший декан юридического факультета Петербургского университета, профессор Варшавского университета Л. Петражитский.

Преодолевая препятствия, академическая группа проводила экзамены и выдавала свидетельства об окончании русской средней школы. Эти документы не давали возможности поступать в польские вузы, но их обладатели могли продолжить свое образование в высших учебных заведениях Германии, Франции, Чехословакии. Таким образом, русская академическая группа в Польше занималась, главным образом, проблемами школы, в то время как в других славянских странах – учеными и студентами. Так, в Болгарии действовала академическая группа, в которую входили русские профессора Софийского университета и другие эмигранты, преподававшие ранее в российских вузах. Согласно уставу группы, одной из ее важнейших задач являлось «оказание поддержки молодым силам русской науки»¹⁷. Аналогичные задачи решала русская академическая группа в Чехословакии, преобразованная из Комитета по обеспечению русских студентов¹⁸. Русская академическая группа в ЧСР организовала защиту диссертаций на соискание ученых степеней, проводила научные диспуты, принимала экзамены за курс историко-филологических факультетов российских вузов¹⁹. Подводя итог деятельности русской академической группы в Польше, трудно согласиться с мнением бывшего ректора Московского университета и профессора Карлова университета (Прага) М. М. Новикова, что деятельность академической группы в Польше в конце 20-х годов замерла. Работа группы продолжалась, но таким размахом как в Софии или Праге не отличалась, а самое главное, решала иные задачи²⁰. Отличительной особенностью русской эмиграции являлась тяга к перемене мест, что определялось политическими,

экономическими и бытовыми причинами. Показательна в этом отношении судьба философа и педагога С. И. Гессена (1870-1950 гг.). Оказавшись в эмиграции, он стал профессором Русского научного института в Берлине, а потом профессором Русского педагогического института в Праге. В 1934 г. профессор перебирается в Польшу, где трудится в вузах Варшавы и Лодзи²¹. Он оказался одним из основоположников педагогического движения русской эмиграции. С. И. Гессен активно участвовал в становлении эмигрантской школы, создании профессиональных организаций ученых, студенчества, учителей, изданий русских педагогических журналов («Русская школа за рубежом»). Известность среди педагогов европейских стран ему принесли переводы его «Основ педагогики», в том числе и в Польше. В предвоенной Польше увидели свет его работы «Школа и демократия на переломе», «О противоречиях и единстве воспитания»²².

В результате добровольной эмиграции оказалось изгнано советской властью, большое количество русских ученых, рассеянных в различных регионах мира.

В результате экспатриации инакомыслящей интеллигенции из страны в 1922 г. За границей оказалось свыше 200 человек. Ее главной причиной являлось то, что власти предприняли попытку установить жесткий идеологический контроль, изгнав из страны интеллектуальную элиту – тех лиц, что могли свободно и самостоятельно мыслить, а также критиковать существующий режим²³. Точное количество работников высшей школы, оказавшихся за рубежом, определить трудно, но согласно анкетированию, проведенному Русским научным институтом в Белграде в 1931 г. удалось установить наличие за рубежом России 472 русских ученых. Среди них имелось пять академиков и около 140 профессоров российских университетов и специальных высших учебных заведений²⁴. Некоторые исследователи, в частности, Е. Г. Оссоцкий, отмечает, что количество лиц, связанных с высшей школой составляло около 2 тыс. человек²⁵. Реализовать свой научный потенциал они могли, работая в вузах страны пребывания, что являлось редким явлением или создавая свои русские учебные заведения. Всего их было открыто в различных странах свыше 30²⁶. Несмотря на сложную ситуацию в Польше, в различных польских научных учреждениях получили работу довольно много русских ученых, но большинство из них имело польские корни и после приезда в страну прибывшие получили польское гражданство. В том числе известный

специалист по классической филологии академик Ф. Ф. Зелинский, юрист Л. И. Петражитский, зоологи Ю. А. Спичаков и И. Я. Тур, агроном И. П. Жолчинский²⁷. Профессору Ф. А. Спичакову почти одновременно предложили занять кафедру рыболовства в институте опытной агрономии и Краковском университете. Ученый избрал университет²⁸. К сожалению, для русских ученых, оказавшихся в Польше и не имевших польского гражданства дорога в вузы страны была закрыта. Ученые могли довольствоваться, в лучшем случае, только работой в русских частных или реже польских гимназиях. Так, в Варшавской русской гимназии преподавал профессор В. А. Рутнов, русскую словесность здесь же читал бывший профессор академии генерального штаба Магницкий²⁹.

В славянских странах: в Болгарии, Сербии и особенно Чехословакии русские ученые оказались интегрированными в рамки официальной интеллектуальной и научной жизни этих стран, в 1923/24 учебном году в Белградском университете преподаватели из России на техническом факультете составляли 40% от общего числа профессоров³⁰. Чехословацкое правительство решило использовать высокий научный потенциал русских ученых для повышения уровня образования и науки в стране. В рамках «русской акции» в ЧСР пригласили 50 профессоров, а потом их количество выросло более чем в два раза³¹.

В Польше же вопрос о русских эмигрантах сознательно усложнялся с целью выдавливания нежелательного элемента из страны, особенно русской интеллигенции³². Политика польских властей и бытовые условия стали причиной того, что около 10 профессоров покинули Польшу и уехали в другие страны³³.

Особенностью эмиграции в Польше как уже отмечалось, являлось наличие в ее рядах большого количества интеллигенции. В Варшаве, где проживало в середине 20-х годов XX века примерно 2-2,5 тыс. человек, интеллигенция составляла большинство. В условиях Польши она естественно не могла реализовать свои знания, умения и навыки не могла и вынуждена оказалась довольствоваться черной, неквалифицированной работой.

Польские власти, осуществляя стратегический курс на интеграцию украинцев, белорусов и русских в польское государство, а также для усиления контроля над подготовкой кадров для Польской Православной Церкви, дали согласие на открытие в 1925 г. Православного богословского факультета в Варшавском университете.

В стране насчитывалось 4,5 млн. православных. На факультете вместе с греками, украинцами трудились и русские преподаватели. Среди них самой известной фигурой являлся Н. С. Арсеньев (1888-1977) философ, богослов, культуролог, приват-доцент кафедры западноевропейской литературы МГУ (1914-1918), профессор кафедры сравнительной истории религий Саратовского университета (1918). Оказавшись в эмиграции, он с 1920 по 1944 год являлся профессором русской литературы Кенигсбергского университета и одновременно в 1926-1938 гг. профессором богословия Варшавского университета³⁴. Ежемесячно по 3-4 раза Н. С. Арсеньев ездил из Кенигсберга в Варшаву. Утомительные поездки по железной дороге продолжались по 11 часов с несколькими пересадками. Наряду с учебной работой, он активно участвовал в экуменическом движении, в частности, присутствовал на заседаниях Лозаннской и Эдинбургской конференций, являлся сторонником единения православия с католицизмом и протестантизмом³⁵. Н. С. Арсеньев активно занимался научной работой. По подсчетам автора статьи им опубликовано в 20-30-е годы свыше 100 работ, статей, из них 18 монографий³⁶. На богословском факультете трудился и бывший приват-доцент Московского университета, профессор М. В. Зазыкин. Главным объектом его научной деятельности являлся жизнь и пастырская деятельность патриарха Тихона. В 20-30-е годы им опубликовано около 30 научных работ³⁷.

Даже в тех редких случаях, когда имело место приглашение маститого русского ученого на работу на Богословском факультете, то он часто отказывался от предложенного места, ибо его не устраивала польская национальная политика и отношение к Православной Церкви, а не социально-бытовые условия.

Показателен в этом отношении пример Н. О. Лосского – доктора философии Московского университета, профессора философии Петроградского университета, высланного из России и проживавшего с 1922 по 1945 год в Праге и Братиславе. В марте 1925 г. его пригласили прочитать несколько лекций в Польском философском институте. Во время пребывания в Варшаве с ним велись переговоры о том, чтобы он возглавил кафедру философии на православном Богословском факультете в Варшавском университете. Однако, вспоминает Н. О. Лосский: «Уже едучи в Варшаву, я решил, что никоим образом не приму этого предложения. Я понимал,

что в Варшаве мое положение невыносимо трудное. Польское государство оказалось крайне нетерпимым в отношении к Православию и русской народности. ... Несмотря на мою симпатию к польскому народу и признании его высоких духовных достоинств, все это шло вразрез с моим русским национальным сознанием»³⁸.

Можно констатировать, что учебная и научная работа русской эмигрантской интеллигенции протекала в Польше в особых условиях. На нее влияли различные факторы: политика властей, особенно местных, экономическая ситуация в стране, численность и состав эмиграции, различные ограничения, касающиеся деятельности эмигрантских организаций. Естественно, что эта работа не отличалась размахом как в других славянских странах, но приобрела некоторые специфические черты. Вся учебная и научная деятельность преследовала цель дать возможность получить образование эмигрантской молодежи и по мере возможности пытаться продолжать научную работу, начатую в России.

Примечания

¹ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939. – М., 1994.

² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Paris, 1971.

³ Горяинов А. Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии до начала 30-х годов XX века // Славяноведение. – 1994. - № 4. – С. 23-34; Бирман М. А., Горяинов А. Н. Российские интеллектуалы–эмигранты в Болгарии // Н и Н. – 2002. № 1. – С. 173-193.

⁴ Козлитин В. Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии. 1919-1945. – Харьков, 1996.

⁵ Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. – 1993. - № 4. – С. 28-39; Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-30-е годы). – М., 1995.

⁶ Свобода (За свободу). – 1920.28.7.

⁷ Русская школа за рубежом. – Прага, 1923. – Кн. 1. – С. 114.

⁸ Сокольников Д. М. Русская школа в Польше // Русская школа за рубежом. – Прага, 1923. – Кн. 2,3. – С. 123-129.

⁹ Оссовский Е. Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья // Педагогика. – 1995. - № 3. – С. 41-51.

¹⁰ Там же. – С. 51.

¹¹ Сокольников Д. М. О преподавании физико-математических наук в русской средней школе // Русская школа за рубежом. – Прага, 1923. - Кн. 4. – С. 85-98;

Соколыцов Д. М. О преподавании физико-математических наук в русской средней школе. – Прага, 1923. – Кн. 5-6. – С. 73-87.

¹² Соколыцов Д. М. Положение русской школы в Польше // Современные записки. – Париж, 1924. – Т. 18. – С. 419-428; Соколыцов Д. М. Польша // Русский учитель в эмиграции. – Прага, 1926. – С. 143-158.

¹³ *Encyklopedia Warszawy*. – W., 1994. – С. 973.

¹⁴ Новиков М. М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. – Прага, 1935.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 27.

¹⁶ Там же. Ф. 5857, оп. 1, д. 2, л. 94.

¹⁷ Горяинов А. Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века) // Славяноведение. – 1994. - № 4. – С. 28.

¹⁸ Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Славяноведение. – 1991. - № 6. – С. 28.

¹⁹ Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-30-е годы). – М., 1995. – С. 130; Лосский Б. В Русской Праге (1922-1927) / Былое. – Т. 16. – М.:СПб., 1994.

²⁰ Новиков М. М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. – Прага. – 1935. – С. 5.

²¹ Гуль Р. Я унес Россию. В 3 т. Россия и Германия. Т. 1. – М., 2001. – С. 99.

²² Оссовский Е. Г. С. И. Гессен: странности судьбы // Педагогика. – 1996. - №6. – С. 57-59; Богуславский М. В. Философия образования в трактовке мыслителей российского зарубежья // Педагогика. – 2000. - № 6. – С. 66-73.

²³ Главацкий А. С. «Философский пароход: год 1922-й. Историографические этюды. – Екатеринбург, 2002.

²⁴ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920-1930). Выпуск 1. – Белград, 1931.

²⁵ Оссовский Е. Г., Левкина В. А. Русская высшая школа и студенчество в эмиграции (20-40-е гг. XX в.) // Педагогика. – 1999. - № 4. – С. 95-102.

²⁶ Там же. – С. 99.

²⁷ Новиков М. М. Русская научная организация... – С. 19.

²⁸ Свобода (За свободу, 1925. 14.4.

²⁹ Варшавское слово.1920. 5.3.

³⁰ Алексеева Е. В. Русские интеллектуалы в научной жизни Белграда // Славяноведение. – 1999. - № 4. – С. 58-63.

³¹ Русская эмиграция в Чехословакии: образование, наука, просвещение // Педагогика. – 1995. - № 3. – С. 51-55.

³² Симонова Т. «Мы бесподанные безгосударственники...» Россияне в межвоенной Польше // Родина. – 2007. - № 12. – С. 75-81.

³³ Свобода (За свободу, 1925. 27.4.

³⁴ Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. – Frankfurt/Main, 1974. – С. 190.

³⁵ *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья.* – М.,1997. – С. 40-41; *Струве Г.* Русская литература в изгнании. – Париж – Москва, 1996.

³⁶ *Материалы для библиографии...* 1931. – С. 18-21; *Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930-1940).* Выпуск 2. Часть 1. – Белград, 1941. – С. 30-34.

³⁷ *Материалы для библиографии...* Часть 1. – 1931. – С. 93; 43; *Материалы для библиографии...* Часть 2. – 1941. – С. 139-140.

³⁸ *Лосский Н. О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь // Вопросы философии. – 1991. - № 12. – С. 92-153.

Резюме

Йолкін А. І. Діяльність російських інтелектуалів-емігрантів у Польщі в 20-30-і роки ХХ століття

Стаття присвячена розгляду внеску російських емігрантів у навчальну і наукову працю біженців. Автор показує, що проблема російських емігрантів у Польщі свідомо ускладнювалася владою з метою видавлювання небажаного елемента з країни, зокрема, російської інтелегенції. В умовах Польщі вона природно не могла реалізувати свої знання, уміння і навички і змушена була задовольнитися некваліфікованою працею. Польська національна політика і побутові умови стали причиною того, що багато російських інтелектуалів залишили країну.

Ченчик Д. В.

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ФЕДЕРАЛИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В 1945 – 1947 гг.

Поступательное развитие региональной экономической интеграции привело к учреждению в 1992 г. Европейского союза (ЕС), основанного на единой системе ценностей – поощрения демократии и свободного рынка. Одним из возможных и желанных направлений дальнейшего институционального развития ЕС всегда считались идеи федерализма, связанные с ограничением национального суверенитета и передачи части полномочий на наднациональный уровень. Немаловажную роль в становлении этого течения сыграли первые послевоенные годы, когда происходил численный рост и усиление влияния различных федералистских организаций.

В исторической науке стран СНГ этим вопросам практически не уделялось внимания, за исключением работ И. С. Пиляева¹ и